

Вот и дожили мы до Восьмой годовщины Чернобыля. Вроде бы уже и время писать мемуары. Но после прекрасных воспоминаний Е. Игнатенко, Ю. Сивинцева, Н. Тараканова и многих, многих других как-то неловко признаваться, что Чернобыль-86 памятен мне прежде всего постоянным желанием спать. Согнав за день семь потов, надышавшись в респираторе собственными «выхлопами» и приняв вечером чарку-другую водки или спирта, я мгновенно засыпал, но столь же мгновенно наступало время пробуждения. Приходилось «добираться» в пути и в обеденный перерыв. Традиция эта — засыпать в любое время — сохранилась в Чернобыле и после 86-го.

Еще запомнились нестерпимый блеск постоянно мокрого асфальта дорог и нервотрепки на ПуСО. А еще очень хотелось домой. Не было у меня ни малейшего ощущения причастности к одному из величайших событий мировой истории. Наверное, многие из нашей группы ОНИС ГКАЭ думали так: отберем пробы, дадим пару полезных советов — и до хаты. И, собираясь в Чернобыль, размышляли не о глобальных последствиях катастрофы, а о том, какую бритву брать, можно ли купить там курево и как написать домой. И уже приехав и узнав о порядке оплаты, у меня мелькнула мысль: Господи, за что такие деньжищи-то?

Осознание, осмысление увиденного и пережитого пришло позднее. Но вот раскрываю «Благодарность» от командования войсковой части 19772, датированную 24 октября 1986 года, и оказывается, что в необычно сложной обстановке я уверенно прошел испытание на мужество и стойкость, проявил высокие морально-политические и психологические качества. М-да, и это тогда, когда слова «герой Чернобыля» уже были готовы приобрести ругательный оттенок... Не думаю, что вполне соответствующую столь лестной оценке, но этот и ему подобные документы дороги мне по-прежнему. Но что значит быть мужественным человеком в ситуации радиационной катастрофы?

Впервые над этим я задумался июньским вечером 1986 года, когда молодецкий лаборант ВНИИСХР Андрюха (ныне — ведущий инженер ОРП НТЦ А. Н. Архипов) пытался втолковать нашему водителю, героически пренебрегавшему ношением «лепестка»:

— Радиации все равно — трус ты или герой. Героизм можно проявлять в отношении того, кому, грубо говоря, ты можешь дать в морду.

А сейчас рассмотрим два примера. Сначала — из личных впечатлений. Июнь 1986 года. Войска дезактивируют обочины дороги Чернобыль — Припят, проходящей через «рыжий лес». Рев мощной техники, падающие деревья, пыль — и посреди этого великолепия голый по пояс солдат, курящий на броне ИМР. Второй — из книги генерал-майора Н. Д. Тараканова «Чернобыльские записки, или Раздумья о нравственности»: «Неожиданно пришел Юра Самойленко и пренебрежительно отозвался о работе солдат. Я ему говорю: «А ты сам-то пробовал?» Вдруг он без защиты рванул в зону «М» и стал показывать, как надо работать и что конкретно убирать. Правда, был он недолго, секунд 20 — 30, но все же хватанул. Вернулся бледный. Я тут же отправил его к врачу».

Определив героизм как способность человека выполнить свои обязанности в условиях вероятной угрозы его жизни, кого из упомянутых персонажей можно считать героем?

В поведении безымянного солдата в «рыжем лесу» и Ю. Н. Самойленко на крыше 3-го блока четко прослеживается пренебрежение радиационным фактором: у одного — по незнанию, у другого — видимо, из-за гусарского характера. Результат один: бессмысленное «хватание» дозы, которая когда-то и как-то проявит себя. Что касается солдата, можно вообще сомневаться, жив ли он. Но даже если герои «всего лишь» кашляют, жалуются на головную боль и т. д., винить ли в этом проклятый Чернобыль или себя за пренебрежение элементарными требованиями техники безопасности?

Поговорка, «В поле две воли» неприменима к человеку, работающему в поле ионизирующего излучения, ибо его воля, направленная во вне, не имеет никакого значения — «радиации все равно»...

Но воля, направленная внутрь себя, то, что можно назвать самообладанием, сохраняет свою роль, т. к. действие радиации на организм в некоторой мере зависит от его физического и психического состояния.

Отсюда следует, что описывать работу ликвидаторов в терминах борьбы, мужества, героизма, самоотверженности по меньшей мере бессмысленно. Эти категории характеризуют человека в борьбе с собой подобным. У радиации же вневещная природа, она, так сказать, от Бога, а Богорочество в любой форме дорого обходится прежде всего самому себе. Рассуждая о мужественной борьбе с радиацией,

мы тем самым очеловечиваем природные силы и в этом смысле остаемся на уровне людей каменного века. Наше невежество в понимании качественной новизны постчернобыльской ситуации становится просто трагическим. И винить в этом журналистов, политиков или генералов не приходится, пока ни наука, ни философия не предложили ничего нового. Пока что ближе всех к пониманию этого оказались писатели-фантасты.

Но если лозунги типа «Место подвига — Чернобыльская АЭС» годятся для поллитрабы с неподготовленными и непредназначенными для ЛПА войсками, как

Александрова: «По-всякому можно относиться к бывшему Минсредмашу, попрекать его отсутствием гласности, излишней секретностью, но там были профессионалы и по-военному дисциплинированные люди, четко соблюдавшие инструкции, что в нашем деле чрезвычайно важно».

Неблагодарная эта задача — гадать что было бы, если бы... если бы ЛПА в Чернобыле была поручена Средмашу. Но мы можем опереться на опыт ликвидации аварии 1957 года. У ликвидаторов того времени хватило ума не делать того, последствия чего были не ясны, т. е. не принимать необратимых решений. Была

● ЧЕРНОБЫЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Граница следа на местности и в душе

оценивать деятельность профессионалов? Я помню суровые внушения, которые делал нам руководитель группы ОНИС ГКАЭ и эксперт Правительственной комиссии Н. П. Архипов (ныне директор НТЦ), когда пару раз мы «привезли» на дозиметрах больше рентгена за сутки. Кому-то эта величина покажется ну очень смешной. Но мы никогда не уподоблялись некоторым фронтовым летчикам, считавшим, что они тем смелее, чем больше пробоин будет в их машинах после вылета. Во многом благодаря такой позиции руководителя группы, многие из нас имели возможность работать в Чернобыле и в последующие годы.

Думается, подлинный профессионализм состоит в том, чтобы со знанием дела выполнить свою задачу и при этом остаться в пределах разрешенной дозы. И никакого героизма!

Подлинное профессиональное и гражданское мужество заключалось, быть может, в том, чтобы отстаивать свою правоту, когда результаты исследований шли вразрез с общепринятыми положениями. Недавно я разговаривал с кандидатом биологических наук, научным сотрудником Опытной станции ПО «Маяк» В. В. Мартыновым. Он вспомнил, как в отсутствие руководителя группы докладывал Правительственной комиссии о проделанной работе и высказал мнение специалистов группы по поводу цезиевых пятен, мысль по тому времени достаточно еретическую. Сообщение вызвало бурную реакцию академика А. П. Александрова: вы не знаете основ ядерной химии! Конечно, Славик, как мы его тогда звали, был «убит». Вернувшийся Н. П. Архипов добавил соли на раны, ибо акад. Александров был для него одним из немногих авторитетов. Но прошла неделя — и А. П. Александров признал правоту наших специалистов и публично извинился. Славик был реабилитирован.

Нет у меня намерения дегероизировать ликвидаторов 86-го. Но, как справедливо отмечает генерал Тараканов, герои-пожарные, тушившие пожар на ЧАЭС, могли бы быть живыми героями. Или в самом деле мертвые герои полезнее?

Мне очень повезло в том, что я работал с такими людьми, как Н. П. и А. Н. Архиповы, В. В. Мартышов, Н. И. Буров (его чернобыльская карьера уже завершена) и ведущий инженер ОРП НТЦ Г. С. Мешалкин. Когда говорят о профессионализме, я прежде всего вспоминаю их. Им максимально обязан тем, что начал интересоваться чернобыльской проблематикой.

Но в СССР была целая организация профессионалов, печально мало востребованная в дни чернобыльской беды. Это — Министерство среднего машиностроения. Позволю себе сослаться на мнение акад.

ли поставлены реальные, посильные цели, при достижении которых было сказано: что могли — сделали, остальное — от Бога. К началу 60-х годов противоаварийные работы были практически завершены. Их быстрота, эффективность, сравнительная дешевизна были очевидны.

Возможно, старый и мудрый Е. П. Славский понимал, что в Чернобыле будет больше политики, чем реального дела — и, что называется, не напрашивался. С другой стороны, как Средмаш мог удовлетворить требованиям тогдашних властей, запросто говорившим, что вычистят Зону зубными щетками? А что, и вычистили бы. Если бы хватило щеток и солдат...

Тема «Армия и Чернобыль» неизбежно возникает при любом воспоминании о том времени. С июня по август 86-го наша группа базировалась в нескольких закутках подвала здания райисполкома рядом с одной из военных лабораторий, армейским вещевым складом. Волей-неволей мы общались и с военными учеными, прося их тогда провести одно-два измерения, и с кладовщиками, осуществляя взаимовыгодный бартер. Так же между делом и наблюдали друг за другом. Не знаю, что думали военные о нас, наверняка что-нибудь вроде: ну и раздолбаны эти штатские. Что думали мы о них, могу сказать точно: ну и дубы же эти вояки. Масла в огонь подлила директива едва ли не генерального штаба, предписывающая в целях предотвращения пылеобразования засеять травосмесями полевые дороги. Привести наши высказывания по этому поводу совершенно невозможно, более чем наполовину они состояли из непечатной брани. Что и говорить, нормы литературного языка были тогда изрядно подзабыты. Смысл же был таким: лучше бы вояки занялись своим делом и обеспечили, например, безопасность судоходства — не задало до этой директивы в одном из ангольских портов южноафриканские диверсанты подорвали наш транспорт.

Смутное ощущение, что армия занята не своим делом перешло в уверенность в сентябре-октябре, когда по Чернобылю бесцельно слонялись группы не всегда трезвых солдат. Впоследствии я много думал над тем, почему в ЛПА не надо было использовать армию. Ученых много, и зачастую справедливо упрекают в неподготовленности к Чернобыльской катастрофе. Но ведь до нее даже самые бездумные теоретики не могли предположить ни характера, ни масштабов случившегося. Армия же готовилась к атомной войне с начала 50-х годов. И хотя атомный удар и Чернобыльская катастрофа — разные вещи, в обоих случаях есть сходные задачи, к выполнению которых, увы, оказалась неподготовленной и армия. Достаточно вспомнить самодельную свинцовую «броню» на инженерной и транспортной технике.

Действия войск на загрязненной в результате атомного удара местности регламентируются соответствующими документами. Столкнувшись в Чернобыле с нетривиальной ситуацией, армейское руководство должно было либо выйти за рамки этих документов, либо обречь войска на неудачу. Но инициатива наказуема, кстати говоря, часто наказуема справедливо, ибо уставы и наставления пишутся, как говорится, кровью. Недаром любое отступление от устава становится предметом рассмотрения либо военного трибунала, либо кафедры академии — в зависимости от результата.

Вспомним дезактивацию населенных пунктов летом 1986 года. С точки зрения защиты от оружия массового поражения войска действовали правильно — и тем не менее результат был отрицательным. Село Бабчин в Гомельской области мыли три раза, но в конце концов его пришлось эвакуировать. Главную роль в этом сыграли факторы, которыми в ситуации атомного удара можно пренебречь и которые, естественно, не отражены в наставлениях.

Регулярная армия должна видеть противника, будь-то точка на экране локатора, будь-то танковая колонна, будь-то, наконец, аварийный дом в Спитаче, который надо окончательным разрушить. Военная история практически не знает примеров успешной борьбы регулярных войск с партизанами. Движения стрелок радиометров, мелькание цифр на измерительных приборах оказалось недостаточно для формирования столь необходимого армии образа врага, который сам по себе невидим, неслышим, неосязаем, не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха.

Но сегодня мне стыдно за свое тогдашнее штатское высокомерие. Вспоминается пасмурный октябрь 86-го. Мы приехали посмотреть как идет дезактивация теплиц на северо-западной окраине Припяти. Молодой и усталый капитан, вместе со своими солдатами перелопативший десятки тонн гравия, каким-то безнадежным голосом спросил: — Ну, что? Есть хоть какой-то толк от нашей работы? — Мы, конечно, ответили, что все ол райт, ядрена корень, но этот вопрос немолодого и усталого капитана подтолкнул меня, в общем-то, к элементарной мысли: а вояки-то не такие дубы, как нам казалось...

Дезактивация теплиц была успешной, потому что перед войсками была поставлена конкретная и осмысленная задача с четкими пространственно-временными ограничениями. При таких условиях под руководством гражданских специалистов действия войск в ЛПА могут быть успешными, кстати, это вполне соответствует общим принципам использования вооруженных сил. Да, в Чернобыле армия не была самостоятельной силой, но действовала под руководством не специалистов, а политиков. Советские руководители просто бросили армию «на Чернобыль», как, не мудрствуя лукаво, привыкли бросать ее на борьбу за урожай, то на новочеркасский расстрел, то на афганскую авантюру. И когда стали говорить, что армию «поставили» в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, первым в этом ряду надо поставить Чернобыль.

Но и тогда армия показала, что присутствующие ей задачи она может выполнять лучше штатских.

Я очень надеюсь, что мои «армейские» заметки будут приняты не как оскорбление армии, но как свидетельство того, что многое, кажущееся само самим разумным, при некотором размышлении перестает быть таковым. Пора, давно уже пора осмыслить чернобыльскую эпопею, если хотите, на философском уровне, пора фиксировать опыт, пора писать Историю. Зачем? После 2-ой мировой войны американцы озабочились написанием ее истории в 99-ти томах. И не для того, чтобы воспеть мудрость президентов и полководцев, а чтобы критически исследовать опыт руководства страной и вооруженными силами в чрезвычайных ситуациях. Правда, это не убергло Америку ни от Кореи, ни от Вьетнама, но в этих кризисах опыт 2-ой мировой был использован в полной мере.

Надо признать, наконец, что чернобыльский опыт имеет не только историческую, но и актуальную ценность. Пока цивилизация развивается технологически, новые аварии различных масштабов, в том числе и радиационные, вполне возможны, по крайней мере, в обозримом будущем. И кому, как не НПО «Припят» быть готовым к реагированию на возможную опасность?

...Я вспоминаю, как долго мы пытались установить точную границу Чернобыльского следа. Мы уходили от Чернобыля все дальше на запад и на север, пока не поняли, что такой границы просто не существует. У медиков есть понятие «фантомные боли» — у человека ампутирована рука, а ему кажется, что она болит. Давно я распрощался с Зонай, Чернобыль стал как бы за рубежом, и сколько раз я убеждал себя: «забудь», а не забывается, нет-нет, да и толкнет в сердце: было, было...

Михаил КОНЬШИН.

Февраль-март. 1994 г.